

Русский Политический Комитет - программные статьи по национальному вопросу

Оглавление

Счет (Статья В. В. Уляницкого).....	1
Вопросы национальной политики (Статья В. В. Э.).....	3
Национальность и личность (Статья В. В. Уляницкого).....	9
По другому пути (Статья Д. М. Одинца).....	11
Экономическая сторона русско-польского сближения (Статья П. О.)	13
Пути экономического сближения (Статья П. О.).....	14
Польша и русский Париж (Статья Д. В. Философова).....	16
Расчленители и объединители (Статья Д. М. Одинца).....	18
Еще о самоопределении народов (Статья Б. В. Савинкова).....	20
О казачестве (Статья Б. В. Савинкова).....	22
Об Украине (Статья Б. В. Савинкова).....	23
О Белоруссии (Статья Б. В. Савинкова).....	25
О национальных задачах (Статья А. Омельянова).....	27

Счет (Статья В. В. Уляницкого)

Украинцы и русские могут за всякий период их совместного исторического пути предъявить друг другу длинный счет взаимных обид. Согласимся сразу вычеркнуть из этого счета то, что погашено морем крови украинской и русской: старый порядок. Тот порядок, в насаждении которого повинны деятели не только русского происхождения. Затем согласимся признать вину русской интеллигенции в том, что воля ее была бездеятельной, и что этой бездеятельностью держался царский режим, равно давивший оба народа.

В том списке взаимных обвинений, который все же остается еще очень длинным, мы отделим злую волю от заблуждения. Мы правильно определим наш ход работы лишь в том случае, если ограничим понятие русской интеллигенции тем содержанием, которое ей дает демократия. Поскольку

украинская интеллигенция, более малочисленная, чем интеллигенция русская, ограничивает себя кругом республиканским, такое ограничение в отношении русской интеллигенции оказывается совершенно необходимым. В ином случае равенство сторон при рассмотрении спора достигнуто не будет.

Русская интеллигенция в той же мере, как и украинская, не должна, не может отвечать за действия сил, ей самой враждебных, хотя и соплеменных. Если вопрос становится в такой плоскости, то устраняется всякая возможность заподозривания друг друга в проявлении злой воли.

Но остаются заблуждения.

Разве не искренне считал нижегородец Киев городом русским, а Киево-Печорскую лавру обителью русской, русскими в том именно смысле, что они великорусские?

И разве украинский селяк не думал так же искренне, что из России приезжают «московские паны» на Украину только ради наживы? Что не будь Москвы, пожалуй, не было бы станового и жандарма?

Эти настроения впитывались бытом и народным творчеством и не могли не влиять на интеллигентскую психологию обеих сторон.

Русская революция, казалось, разрывала цепи, сковывавшие оба народа, и освобождала их руки для сердечных пожатий.

Но дезорганизованность русской интеллигентской мысли, неспособной освободиться от бессознательных реминисценций, с одной стороны, и та же дезорганизованность украинской интеллигентской мысли и, что важнее всего, спутанность и ошибочность избранных ею путей выявления национального лица, с другой стороны, привели к тому хаосу, к тем столкновениям, в которых обе стороны понесли потери столь тяжкие, что, может быть, еще не настало время определить их размеры.

Мы не знаем, следует ли, можно ли останавливаться на этом счете жертв моральных и физических в настоящий момент.

Не следует ли, если не признать обе стороны равно правыми или равно виноватыми, попросту забыть эту тяжелую полосу жизни обоих народов на том рубеже их истории, который раскрепощает их взаимно, указывает каждому из них вольный путь свободного устроения своего национально- государственного бытия.

И когда оба народа в лице своей интеллигенции, отныне единственно ответственной за их судьбу, приближаются к моменту окончательного взаимопонимания, не следует ли закончить эту работу возможно скорее и приступить к совместному рассмотрению счета совсем иного порядка.

С двух сторон протягиваются к ним цепкие руки, одинаково сильные в зажиме, одинаково беспощадные.

Руки царизма- руки коммунизма.

Если украинский народ сравнительно легко может справиться с локальным царизмом, то ведь не следует выпускать из виду, что к прекрасному телу Украины тянутся сластолюбивые руки извне, с запада.

Украинский народ должен также понять, что если он не поможет народу русскому устранить угрозу реставрации - рабство России будет рабством

Украины, и мечты о договоре равно-свободного с равно-свободным рухнут. Только совершенно искренняя взаимная помощь может спасти оба народа от новой катастрофы в то время, когда не ликвидирована еще катастрофа большевизма.

В борьбе с этой последней не может быть национального деления. Разве можно говорить о московском лице большевизма в то время, когда Крыленко, Коцюбинский, Винниченко, Мазуренко, Дыбенко и многие, многие другие родом из Украины.

Нельзя более говорить, как это делалось раньше, о том, что кацапы сплошь большевики, а украинцы сплошь настоящие социалисты. Неправда этих слов стоила много крови.

Пусть же она ляжет тяжелым камнем на совесть тех, которые ею спекулировали и которым, по счастью, не предоставлено места в новом строительстве Украины.

Судьба украинского и русского народов сделала их повинными в царизме и большевизме.

Они не хотят ни того, ни другого, и да увенчает Господь их совместную борьбу торжеством.

Вопросы национальной политики (Статья В. В. Э.)

I

Опубликованные акты о соглашениях между Русским Политическим Комитетом, с одной стороны, и Украинским Правительством и Белорусским Политическим Комитетом, с другой стороны, являются, вне всякого сомнения, актами исключительного значения. Смысл этих актов не исчерпывается конкретным их содержанием и приобретает широкий принципиальный интерес, открывая новую страницу в развитии русской национальной политики.

Никто не станет отрицать, что в этих актах мы имеем дело с крутым поворотом в этом направлении, но несомненно и то, что они открывают совершенно новую перспективу для политической активности. И тот факт, что оба эти соглашения подписаны Русским Политическим комитетом, действующим на территории Польши, придает им особенную принципиальную значительность. Здесь есть какая-то историческая логика, что именно на

польской земле группа русских политических деятелей ступила на новый путь в вопросах национальной политики, - ибо русско- украинское и русско- белорусское соглашение выросло на основах упрочившихся русско- польских отношений. Это не историческая случайность, что первые реальные шаги в новом направлении национальной политики были сделаны на польской земле: все это тесно связано, как бы подготовлено историей национального вопроса в России до революции. Мы видим доброе предзнаменование для нового курса в национальной политике как раз в том, что он вырос на основе добрых русско- польских отношений.

Но одно заключение соглашения, хотя бы и ответственными политическими группами, еще не придает им полной силы: необходима еще рецепция этих соглашений в широких общественных и народных кругах. Вне этой рецепции всякие соглашения могут иметь лишь временное значение, теряя постепенно свою авторитетность и силу. С этой точки зрения работа, проделанная Русским Политическим Комитетом и закончившаяся рядом соглашений, должна быть продолжена русским политическим мыслящим обществом, русской прессой. Кто верит в правильность нового курса в вопросах национальной политики, должен смело и решительно стать защитником его, должен продолжить работу Политического Комитета и помочь рецепции заключенных соглашений. В данном случае мы как раз встречаемся с рядом очень серьезных препятствий, которые не только затрудняют для русского общества и народа рецепцию соглашений, но которые тем самым ослабляют значение этих соглашений с другой стороны. Для национальных групп особенно ясны и памятны все эти «провалы» в политической психологии русского общества; мы не боимся сказать, что считаем неизбежными сомнения со стороны национальных групп в том, будут ли усвоены и приняты широкими русскими кругами только что достигнутые соглашения. Старая Россия исчезла, новая Россия переживает мучительнейший революционный процесс, сдавленная неслыханной тиранией, она все же внутренне обновляется, и конечно, решающей силой в новой России, когда она восстанет свободная и могучая, будет не тот исторический опыт, который переживаем мы, выброшенные волной эмиграции, - а тот, который переживает Россия там- за кордоном. В этом смысле даже ближайшее будущее в русской политике (когда для нее придут дни свободного выявления), остается неясным и даже загадочным, чем, конечно, часто и спекулируют политические прожектеры. Вот эта неясность того, какой будет Россия, когда она выпрямится свободно во весь свой могучий рост, и составляет одну из основных причин в колебаниях т. наз. Русской политики у великих держав. Все понимают, что надо считаться с Россией именно той, какая «отстоится» после великого землетрясения, ею пережитого, но никто не может с уверенностью сказать, какой именно будет Россия. Если эта историческая неясность колеблет политику даже у великих держав, то тем более это понятно у малых народов, связанных с Россией. Они тоже имеют в виду ту новую Россию, которая определится в итоге ее революции и борьбы за свободу,- и с этой точки зрения первостепенное значение

приобретает как раз именно рецепции тех или иных политических актов, политических соглашений.

Мы держимся убеждения, что в отмеченных нами соглашениях Русским Политическим Комитетом взят верный курс в национальной политике и думаем, что этот курс будет исторически оправдан в недалеком будущем. Два момента кажутся нам решающими в этом отношении: с одной стороны, развитие и уроки национальной политики в России как дореволюционной, так и Советской, а с другой стороны, отношение Украинского Правительства и Белорусского Политического Комитета к делу освобождения России от советского ига. Углубившись в эти стороны дела мы убедимся в том, что Р. П. К. удалось наконец взять верный курс в национальной политике. Мы видим в этом огромную заслугу Р. П. К., ибо по нашему убеждению вне правильной постановки национального вопроса мы не можем подойти успешно к делу возрождения России от ига, под которым она находится.

К анализу двух отмеченных моментов в вопросе о ценности и исторической целесообразности заключенных соглашений мы и обратимся.

В национальной политике дореволюционной России надо строго различать два различных ее фактора: с одной стороны, правительство и примыкавшие к нему круги, с другой стороны- русское общество и русский народ. Эти два фактора действовали совершенно самостоятельно и часто противоположно друг другу, хотя и сходились в общей руководящей идее, которая является продуктом всей русской истории,- идеи единства России. Но в том то и дело, что понятие «единства» было различно у двух исторических сил, действовавших в России: правительство и круги, к нему примыкавшие, понимали единство России внешнее и механически подавляли все попытки отдельных народностей, входивших в состав России, отстаивать свои права. Со второй половины XVIII века- и это совпадает с усилением немецкого влияния на русскую внешнюю и внутреннюю политику- стремление к внешней унификации России приобретает вполне определенный характер. XIX век дал нам яркую картину все усиливающегося централизма и систематической борьбы со всеми попытками отдельных народностей отстаивать культурную самобытность и политическое своеобразие. Русская внутренняя политика в Финляндии, в Польше, в Украине принимает характер нестерпимой русификации; во второй половине XIX века нарождаются уже настоящие правительственные партии, поддерживающие узкую политику правительства. Этот официальный курс развивался все сильнее и ярче и подготовил тот внешний развал Российского государства, свидетелями которого мы являемся. Отстаивание культурной самобытности и политического своеобразия неизбежно окрашивалось ненавистью к централистическим и унификационным замыслам правительства. С большей или меньшей силой внутри отдельных народностей, населявших Россию, развивались местные народные движения, немедленно вызывавшие подозрительность правительства, в силу чего все это развитие местных национальных движений шло под знаком борьбы с правительством, под знаком оппозиции ему. Ко времени великой войны положение стало настолько острым, нелепая политика правительства настолько

раздражала и оскорбляла эти национальные движения, что уже тогда здание русской государственности стало колебаться. Прочности в этом здании уже тогда не было, так как власть сумела всюду обострить и болезненно задеть развивавшиеся национальные движения. Когда разразилась война, уже тогда многие русские круги с горьким недоумением констатировали, что внутреннее расслоение в России зашло слишком далеко, что отдельные национальные группы теряют чувство связи со всей Россией, перестают дорожить этой связью. Обвинения в «сепаратизме» не сходили со страниц правительственной печати,- и русское общество, как бы застигнутое врасплох, часто не могло понять тех или иных национальных движений, считало их мелким провинциализмом или даже подлинным «сепаратизмом». Революция, освободившая Россию от полицейского режима, неожиданно вскрыла все то, что накоплялось в недрах национальных групп,- и русское общество с каким-то ужасом и страшной горечью стало убеждаться, что Россия «расползается» и распадается.

Психологию русского общества и народа не понять, если не иметь в виду идею единства России,- этой идеей живет и общество, и народ; но нужно отдать себе ясный отчет и в том, как понимал и понимает и народ, и интеллигенция- это единство. Если правительство стремилось- особенно со второй половины XVIII века- к унификации и централизму, то русскому народу в целом это было всегда чуждо. Ранняя Русь знала отдельные народопроявления, областные культуры,- и это уважение к самобытным культурам сохранилось в русском народе и интеллигенции до самого последнего времени. Русскому народу и его интеллигенции всегда был чужд шовинизм,- наоборот- русскую культуру не раз укоряли в слабом развитии национального чувства, в преданности «всечеловечеству». Вопреки правительству, в прямой и упорной борьбе с ним, русская интеллигенция относилась бережно к национальным движениям- и в этом заключалась главная творческая сила русской культуры, ее внутренняя притягательность. В течении XIX века развернулась во всем своем блеске русская культура, в созидании которой постоянно принимали участие представители самых различных народностей, входивших в состав России,- и именно эта внутренняя притягательность русской культуры создала духовное единство России. Если политика правительства, в стремлении к унификации, подтачивала единство России, то творческая работа русского народа и его интеллигенции, поддерживая национальные группы в общей борьбе с правительством, создала иное- более глубокое, духовное, подлинное единство России.

Таким образом, в национальной политике дореволюционной России мы находим два противоположных течения: одно стремилось к чисто механической унификации и тем в сущности потрясло русский государственный организм, подготовляло внешний распад России, другое, одушевленное той же идеей единства, но понимавшее его в ином смысле, работало над внутренним сближением народностей, создало русскую культуру, как общий ствол, от которого должны разрастаться отдельные побеги. То, что русская интеллигенция, творившая русскую культуру, работала сама в политическом

подполье,- помешало ей осознать в терминах государственной и политической жизни то, чем фактически она одушевлялась,- и нужны были тяжкие испытания, чтобы в русской интеллигенции и народ исчезли отзвуки внешнего централизма и унификации. Не будем говорить, что этот последний процесс закончен,- но он идет, и чем дальше, тем ярче. Вы найдете и в наши жуткие для России дни немало шовинистических централистов,- я даже думаю, что, как известное течение, они будут всегда,- но в недрах русского общества (там, за кордоном) и даже в недрах нашей эмиграции все яснее, все настойчивее выступает сознание, что подлинное единство России определяется не внешним централистическим однообразием, что распавшаяся на ряд самостоятельных и свободных единиц Россия внутренне, духовно не только не потеряла своего единства, но, найдя для него соответствующую государственную форму, вновь выявит свое единство. Этот сдвиг в сторону «федерализма» (если можно этим словом охарактеризовать всю полноту фактов, которые я имею в виду) произошел в русском народе и его интеллигенции,- и если этот сдвиг дает о себе знать порой лишь частично, то этим нисколько не умаляется значение перелома, произошедшего в русской душе. Смысл этого перелома заключается в том, что чисто духовное, внутреннее понимание единства, которое всегда было основной творческой силой русской культуры,- что оно в наши дни решительно и окончательно освобождается от централистических и унификационных ассоциаций, которые были навязаны внешним ходом русского исторического процесса.

Русская душа обновляется во дни тяжкого испытания,- искупая своими страданиями грехи недавнего прошлого. И если здесь, вне России, вы это найдете не у всех, встретите редко,- то там, в глубине России, любовь к родине окончательно освобождается от централистических идей.

Россия глядит в сторону свободного сотрудничества всех народов, ее населяющих, она ищет духовного единства, но и свободы развития для отдельных национальных групп. Таковы пути развития новой России,- и то, что принесла советская национальная политика, только подкрепляет правду этих новых путей...

III

Советская национальная политика полна тех же глубоких и нестерпимых противоречий, как и экономическая и социальная политика Советской Республики. С одной стороны большевиками был провозглашен принцип безусловного самоопределения всех народностей вплоть до права отделения от России, а с другой стороны- преследование национальных движений никогда еще не доходило до таких форм, в какие оно вылилось в советском режиме. Теоретически в Советской России провозглашен принцип федерации, так что Российское государство именуется «федеративная республика»; на бумаге существуют около 15 «свободных советских республик», входящих в состав России. Но фактически все эти «свободные» республики являются жалкой бутафорией, которая едва ли кого-нибудь может еще ввести в заблуждение. Национальные движения в Советской России так же подавлены, как подавлена

всякая самостоятельная, свободная мысль, как подавлена всякая независимая активность, частная инициатива,- и этот гнет бесконечно превосходит все, что имело место в самые мрачные эпохи старого режима. Но мало того, что советский режим, осуществляя идеи III-го интернационала, подавляет всякие попытки к национальному освобождению, к национальной самобытности,- он пытается играть на шовинистических чувствах, и в своей борьбе, напр., с Украиной всячески раздувал шовинизм в красной армии. Советский режим, как в других отношениях, так и особенно в вопросах национальной политики, представляет «кривое зеркало» старого режима, есть своеобразный- грубый, шовинистический империализм наизнанку.

Еще недавно различные народности, отделявшиеся от России, надеялись, что советскому режиму будут совершенно чужды методы агрессивного национализма,- еще недавно пылкие головы в разных местах серьезно верили в возможность сочетать социальный максимализм с национальным движением. Но они на горьком, незабываемом опыте убедились и еще и ныне убеждаются, что коммунизм действительно несоединим ни при каких условиях с национальным движением.

Ярче всего, более всего переживала это и переживает сейчас Украина, в которой несколько раз вспыхивала иллюзия, что национальное украинское движение может найти мирный *modus vivendi* с советским строем. Но итоги всех этих экспериментов налицо: советская Украина есть чистейшая фикция, и все, что есть живого, творческого в Украине, все это связало свою судьбу с антибольшевистскими, ныне закордонными и национальными организациями.

Советская национальная политика есть самая циничная и недостойная игра, более отвратительная и более пагубная, чем гнет старого режима, который давил физически, но не растлевал народную душу. Советская национальная политика есть подлинный обман, и надо только удивляться, как лживым словам, сей бутафории советской власти еще верят кое-где люди, глубоко преданные делу национального возрождения. Коммунизм ведь отрицает национальное движение в самом его существе,- но и обратно: у коммунизма есть один настоящий и глубокий враг в системе исторических сил, действующих в современной Европе - это национальное сознание, национальное чувство. Лишь в нем без остатка растворяются и совершенно исчезают яды, которыми отравляет коммунизм,- и истинной силой, которая когда-либо сокрушит коммунизм, будет национальное возрождение.

На территории бывшей России все сильнее и сильнее разгораются национальные движения, и в этом нельзя не видеть начало оздоровления того могучего организма, который мы зовем «Россия». Да, в отдельных национальных движениях возрождаются не только отдельные народности, но в них и через них возрождается Россия. Это не всегда сознают, часто не хотят сознавать вожди национальных движений, но логика исторического процесса непобедима и неустраима. Возрождение отдельных национальных государственных образований невозможно без возрождения всей России,- поэтому пока существует советский строй в центральной России,- до тех пор государственное и национальное развитие народов, обособившихся от России,

совершенно невозможно. Еще недавно национальные движения развивались под знаком отделения от России, под знаком равнодушия к советской России. Тяжелый исторический опыт все более убеждает в том, что на этом пути невозможно свободное и творческое развитие народов, входивших ранее в состав России. Вот отчего всюду начинают сознавать, что действительное освобождение, действительный национальный расцвет возможен лишь при возрождении России, при освобождении ее от советской тирании. Национальные движения ищут сближения с антибольшевистскими течениями, и этот сдвиг в политическом сознании национальных групп вместе с тем уклоном в сторону федерализма в русском народе и интеллигенции, о котором я упоминал раньше, и образуют почву для взаимного понимания и сближения, определяют пути национальной политики в России и русской политики в национальных группах.

Национальность и личность (Статья В. В. Уляницкого)

Весь государственный аппарат России был захвачен большевиками и все, кто сопротивлялся им, были не то ярыми вандейцами, не то гарибальдийцами без энтузиазма. Эти повстанцы боролись за великодержавную Россию, в их представлении она оставалась прежней императорской Россией.

Взгляд на большевистский переворот, как на бунт, требующий обычных мер подавления, твердо укрепился не только у тех, кто вовсе отвергал революцию, но и у тех, кто утверждал ее. Это взгляд был причиной соединения тех, кого разделяла февральская революция. Оттого так робок был голос тех, которые хотели искренне пойти на удовлетворение запросов со стороны различных национальностей. Успешное продвижение Деникина не способствовало прояснению сознания и, усилив великодержавную и реакционную агрессивность, подготовило окончательный крах.

Великодержавное упрямство не было сломлено и тогда, когда армии быстро скатывались к Черному морю. С появлением Врангеля оно изменилось во внешних проявлениях и избрало путь притворства, взамен прямого насилия. Таким притворным актом была декларация от 20 июня 1920 года. практика крымского правительства раскрыла его лицемерие. Ген. Врангель, конечно, согласился бы на прокламирование федерации, разумея, однако, федерацию по-своему.

Но вопрос о федерации был уместен тогда, когда существовала Россия и было правительство; он стал нелепостью после того, когда Врангель пытался

своей особой заменить Россию. С кем должны были федерироваться народы, создавшие собственные законные правительства?

Измученная войной и большевизмом личность искала выхода в двух направлениях - в проявлении жестокого разгула и забвении всех прежних уз и в заботах о сохранении основной ячейки человеческого общества. Взоры тех, кто поставил себе вторую задачу, обратились к защите родного очага, к организации узко- национальной обороны. И оказалось так, что национальный порыв консервативный в социальном укладе, встал на защиту личности, культуры и семьи, против интернациональной беспощадности.

Наиболее яркие черты старой государственной власти в России- отрицание личности и ее подавление и сопряженное с этим презрение к национальности- проявилось у большевиков с неслыханной силой в новых формах. Власть снова империалистична и притом для целей еще более ненавистных и непонятных народу, чем цели прежние. Отвращение, возбужденное прежней властью, безмерно усилилось по отношению к власти новой.

Раздавленные насилем великороссы утратили чувство государственности, украинцы и другие народы стали искать выхода в создании новой государственности.

Но отмеченные выше элементы разгула и разрушения, неизбежные спутники распада революции, не были, не могли быть заключены в этнографические границы, предшествующий исторический путь и ход революции были общими для народов, связанных прежней государственностью.

Борьба за национальное начало ведется и внутри этнических групп и сливается с борьбой за личность. Великороссия, в которой национальность наименее осознана, стала ареной величайшего морального опустошения.

С поднятием национального чувства может наступить освобождение личности. Развитие этого чувства, являясь базой, не составляет всего содержания борьбы. Не только на восточно-европейской равнине, но и во многих других странах очередной задачей человечества является защита личности от государства, ставшего его страшным врагом. Между молотом капитализма и наковальней большевизма гибнут миллионы жизней.

Горькие обиды в прошлом, величайшие страдания в настоящем и беспощадность, безмерное властолюбие и фанатизм чуждых народу стремлений привели к отрицанию государственности в России. Индивидуум отказался от государства, он бросился на защиту своего очага, своей личности, но, потеряв всякое участие в управлении государством, он оказался бессильным в защите себя и родного очага.

Естественный путь от индивидуума к обществу, от общества к национальному сознанию и от этого последнего к большому государственному союзу превратился в процесс обратного свертывания.

Между отвергнутым государством и отдельным очагом мысль человеческая останавливается на племенном союзе, ища в нем, среди своих кровных, защиты поруганных верований и разрушенных очагов.

Так растут и крепнут центробежные силы. Люди не могут более служить государству, все от них отнявшему и ничего не давшему. Они ищут спасения в образовании новых национальных единений.

Но сторонние силы того же порядка, который погубил Россию, не замедлили обнаружить попытку эксплуатировать национальные чувства для своих целей. Национальностям грозить новое рабство в обстановке гораздо более враждебной, чем та, от которой они ушли. Очередная задача - борьба с этими притязаниями. Эта борьба была бы облегчена сцеплением родственных единиц, но это сцепление невозможно при распадении центрирующего начала или превращении его в оружие угнетения, столь же страшное, как и зависимость от иностранцев. Только после того, как центробежный процесс завершится до конца, после того, как бывший центр и отделившиеся единицы укрепятся в своем стремлении, охранять основные начала гражданственности и национального быта, начнутся поиски путей для удовлетворения более широких задач в обширном государственном союзе.

Но и при всем том союз этот не может возникнуть на прежних основаниях, от него откажутся, если будет обнаружена попытка обратить его на служение прежним осужденным интересам.

По другому пути (Статья Д. М. Одинца)

На знаменах армий Колчака и Деникина крупными буквами были написаны слова: «единая неделимая»; в жертву этим словам было принесено много жизней и немало симпатий. Невозможными оказались соглашения с украинцами, расстраивались отношения и с другими национальностями, входившими в состав бывшей императорской России, и даже Кубань, никогда не тянувшая в сторону «самостийности», подозрительно оглядывалась на центры новой военной политики.

Есть слова и формулы, практическое значение которых идет значительно дальше их прямого непосредственного смысла.

Наука государственного права употребляет выражение «единая и неделимая» исключительно как международно-правовой термин. Рассматриваемое, как единое вовне, в области международно-правовых отношений, государство, вместе с тем внутри, в плоскости своей внутренней конституции, может быть одинаково, как унитарным, централизованным, так и федеративным. С этой точки зрения Соединенные Штаты также едины, как и бывшая Россия.

Неверным, по существу, но вместе с тем, понятным образом, в понятие неделимости было вложено сознанием самых широких кругов русской общественности содержание, прямо отрицающее не только возможность федерации, но и широко понятой автономии.

Понятным потому, что защитники этого лозунга нередко с вызывающей нетерпимостью относились ко всяким проявлениям не только национальной обособленности, но и культурной самобытности. Глубоко памятными останутся навсегда закрытия украинских школ, преследования украинских кооперативов, не говоря уже о полном запрете высказывать какие бы то ни было политические проявления национальной мысли. Так произошло, что формула «единая неделимая» сделалась неприемлемой, как для представителей различных национальностей, так и для широких кругов демократически настроенной русской общественности. Своим особым путем русская революция вернулась к тому же пониманию этой формулы, что и французская революция 1789 года, когда, в ответ на федералистические стремления жирондистов, якобинцы объявили Францию единой и неделимой.

Политические ошибки для многих сделали, однако, неприемлемыми не одни только слова, но и самый принцип федерации. Провозглашенный во время этот принцип, несомненно, был бы принят с энтузиазмом, теперь же в отношении отдельных национальностей он является уже не словом освобождения, а покушением на их права национальной свободы. После того, что пережито Россией, единственно свободная воля входивших в ее состав национальностей может послужить тем цементом, который окажется в состоянии связать то, что распалось в ходе последних лет.

Та стадия революции, когда искренним стремлением к федерации можно было привлечь к себе сердца, миновала безвозвратно. В истории изжитые и не использованные стадии не повторяются. Исходный пункт настоящего дня - не федерация, а конфедерация, не союзное государство, а союз государств. Искренне заключенный и искренне проведенный он может дать самые широкие результаты. Было бы жесточайшей ошибкой пропустить и этот момент, и теперь не найти в себе мужества и умения произнести нужные слова.

Только свободная и организованная воля народов может в настоящее время определить и свою судьбу и свое отношение к России. Другого пути нет. И какова бы ни была эта воля пойдет ли она в конечном счете на соединение или на окончательное отделение, те, кто на ней строит свои упования, заранее должны признать для себя эту волю священной.

Безмерно трудно предугадывать теперь будущее. Во всяком случае, одно совершенно ясно и бесспорно: всякое насилие над народной волей только усиливает ее центробежные стремления.

Русской истории знакомо время, когда ее государственность была возрождена снизу. В первой четверти 17-го века, в эпоху междуцарствия, московское государство фактически распалось на самостоятельные земли, еще недавно плотно притянутые к центру московской политикой. Казалось, на время снова воскресла полная независимость этих земель, но именно эти земли и

спасли государство; они создали и земское ополчение, и земский собор, и временное правительство с Пожарским и Трубецким во главе.

Бесконечно близко сходство между смутным временем и переживаемой нами эпохой. Быть может, и в вопросе воссоздания республиканской и федеративной России нам суждено пройти уже отчасти знакомым в нашей истории путем.

Экономическая сторона русско-польского сближения (Статья П. О.)

Одним из важнейших факторов сближения являются торговые отношения. Нелишне поэтому уяснить себе в главнейших чертах характер этих отношений между будущей Россией и Польшей.

До войны одна Польша - Конгрессовка вывозила в Россию продуктов своей промышленности на сумму до 300 миллионов рублей в год.

Теперь объединенная и возрожденная Польша будет не меньше, если не больше, нуждаться в русском рынке.

Сильно развитая промышленность является залогом существования свободной Польши. Богатая сельскохозяйственными и минеральными запасами Польша может строить свое благополучие на промышленном развитии, и Россия явится для нее обширным рынком. Помимо вывоза своих фабрикатов в Россию, Польше, по ее географическому положению, выпадает задача быть посредником между Россией и Украиной, с одной стороны, и Западом - с другой.

Уже до войны Польша с успехом начала выполнять эту роль торгового посредника. За последние десять лет перед войной, число польских торговых фирм, хотя бы в одном Киеве, возросло, по крайней мере, вдвое.

Нужно учитывать, что в ближайшем будущем место, занимавшееся Германией в торговле с Россией, будут стараться занять Англия и Америка. Но, как показывает опыт, в самом характере торговых отношений немцев, с одной стороны, и американцев и англичан, с другой, лежит большая разница.

Немцы научились проникать в Россию и приспособляться к русским условиям. Их комиссионеры подходили сами с товаром к русскому купцу.

Считаясь с характером русской торговли, немецкие фирмы открывали русским значительный кредит, иногда довольно значительный и длительный.

Не то с американцами. За товаром нужно было обращаться к ним. Ни о каком кредите не приходилось часто и говорить. Иногда требовалась очистка наложенных платежей на границе.

Вряд ли можно ожидать, чтобы этот присущий англо-американской торговле характер особенно изменился. И как следствие этого, является необходимость торговых посредников между ними и Россией. Несомненно, первым претендентом на это место явится Германия. Уже до войны, почти — часть товаров, ввозимых ею в Россию, была не германского происхождения.

Географическая близость Польши к России дает первой возможность постараться бороться в этом отношении с Германией.

Владение Данцигским коридором сильно облегчает эту задачу.

Несомненно, что английские и американские товары пойдут в Россию, главным образом, по Немецкому и Балтийскому морям. Имея возможность принимать эти товары в Данциг и перевозить их по своим железным дорогам, сначала к складочным пунктам, а затем и далее к своим восточным границам, Польша таким образом может значительно развить свои торговые связи с Россией.

Значение этого пути на Данциг возрастает еще больше в виду полного почти разоружения большевиками московской промышленности. Многие районы, снабжавшиеся ею, и теперь этого лишенные, будут географически ближе к Польше и через нее к западу, чем через балтийские и черноморские порты.

Переходя затем к вопросу о том, что же Россия может дать взамен товаров из нужных для Польши предметов, необходимо в первую очередь отметить: хлопок и уголь. Доставка туркестанского хлопка в Польшу всегда была значительна и необходима ей для ее основной текстильной промышленности. Что касается угля, то значительную часть такового Польша, конечно, имеет в своих пределах, и положение ее будет еще благоприятнее, если В. Силезия отойдет к ней. Но потребность в ввозном угле не отпадет, особенно при дальнейшем развитии промышленности.

Можно, однако, заранее сказать, что вывоз из России этих предметов будет на меньшую сумму, чем ввоз в нее товаров из Польши. Иначе говоря, Польша больше заинтересована в России, как в рынке. Но тут выявляется еще одно важное обстоятельство.

За полученные от Польши товары Россия может расплачиваться только сырьем, хлебом и пр. Таким образом, Польша может стать обратно посредником по передаче этого сырья через тот же Данцигский порт далее на Запад.

Роль Балтийских портов России в хлебной торговле была чрезвычайно велика, и Данциг, расположенный ближе к потребителям, может сыграть крупную роль.

Полагаем, что сказанного выше достаточно, чтобы в полной мере уяснить себе характер и значение русско-польских отношений.

Пути экономического сближения (Статья П. О.)

В предыдущей статье мы выяснили характер возможных торговых отношений Польши с будущей Россией. Мы указали, что, помимо сбыта своих продуктов, Польше предстоит быть торговым посредником между Западом и Восточной Европой. Задача этого посредничества - суметь подойти к покупателю. Покупателем в России будет, однако, не житель разоренных и обнищавших городов, а производитель хлеба - русский крестьянин. И торговый посредник должен постараться проникнуть вглубь страны, к русскому селу.

Но за последнее время, время войны и революции, в русской деревне чрезвычайно усилилось кооперативное движение.

Как известно, до войны в селах наибольшее развитие имела кредитная кооперация.

В 1914-16 годах, пользуясь увеличением денежных знаков в деревне, крестьяне уплатили товариществам все свои долги и прекратили заплаты. Кооперативные организации оказались с большим количеством денег и, близко стоя к жизни, они быстро изменили направление и характер своей деятельности, с громадным успехом развив свою посредническую деятельность. Часто они начали даже выступать, как крупные поставщики государству, принимая на себя выполнение подрядов для армии.

В первое время большевистского владычества кооперация развивалась еще больше. При уничтожении частной торговли, при упразднении органов городского и земского самоуправления, она являлась той областью деятельности, куда устремились независимые общественные элементы, где они могли спастись от гнетущего ига советской службы. В большом числе на службе в кооперацию шла городская интеллигенция.

Советская власть не могла, конечно, мириться с этим остатком независимой общественности и, в конце концов, наложила на кооперацию свою тяжелую руку. Кооперация «огосударствлена». Из нее вынут дух жив.

Но крестьянство привыкло к кооперации. В будущей России она призвана играть громадную роль, и тот, кто захочет близко подойти к селу, не сможет этого сделать помимо кооперативных учреждений.

Торговый посредник должен учитывать это и строить свои планы на связи с кооперативами.

В этом отношении громадную роль играют личные связи. Осторожный кооператор поверит лишь тому, кого он знает лично.

Пользуясь присутствием в настоящее время в Польше многих из русских кооператоров, мы считали бы крайне необходимым создание польско - русских кооперативов с участием польских торговых деятелей.

Нам могут возразить, что теперь, когда в России Сов. власть, говорить об этом рано. Мы считаем такое мнение глубоко ошибочным.

Мы видим, что всюду имеются или создаются органы торгового сближения с Россией. Имеются торговые палаты во всех крупнейших странах.

Во многих государствах вновь создаются русские торговые предприятия и банки.

В Югославии создан и работает русско - сербский банк. О создании подобного банка в Чехословакии также идут разговоры.

До тех пор, пока в России установится нормальная жизнь, все эти организации должны завязать прочные торговые связи с теми странами, где они находятся.

Тогда, вернувшись в Россию, русские деловые люди будут иметь основание не прерывать завязанных отношений. В противном случае, они уедут из страны, как случайные в ней эмигранты.

И в интересах Польши, и в интересах русских не жить здесь на положении только беженцев, а работать по установлению нормальных отношений двух братских народов. А деловые связи- основа дружбы и личной, и политической.

Мы и полагаем, что польско-русские кооперативы могут явиться одним из средств для деловых связей.

Но, конечно, одних кооперативов мало. Должны быть органы, объединяющие и регулирующие эту работу. Такими органами могут явиться русско-польская торговая палата и русско-польский банк.

Мы не закрываем глаз на большие трудности, стоящие на пути к осуществлению этого плана. Но мы полагаем, что чем раньше это начнут делать, тем более оснований надеяться на успех.

Польша и русский Париж (Статья Д. В. Философова)

Резолюции, декларации и всяческие «волеизъявления» русского Парижа по польскому вопросу на судьбы Польши влияния иметь не могут.

Положение Польши трудное. С большим напряжением сил кует она свою судьбу, окруженная со всех сторон опасностями.

Что значит при таких условиях какая-нибудь полупокровительственная или полувраждебная резолюция какого-нибудь свежее испеченного русского центра в Париже?

Но на судьбы России эти резолюции влияют самым пагубным образом.

Пора, наконец, отчетливо сказать, что одна из существенных причин продолжающегося торжества большевиков в России - беспринципная и бездарная политика «белых» по отношению к Польше.

По всем другим вопросам в лагере «белых» много разногласий. Что же касается Польши,- то тут замечается какое-то прекрасное единодушие. Нити тянутся непрерывно от блаженной памяти Сазонова вплоть до Керенского, через посредство Милюкова.

О, конечно, есть оттенки. Но какой-то непримиримый, великодержавный дух пронизывает большинство русских «лидеров», именно в польском вопросе. А, главное, их объединяет нежелание наконец-то разрубить этот гордиев узел. Разрубить же его необходимо, и вовсе не на благо Польши, а на благо России.

Здесь замечается какая-то потрясающая близорукость.

Не будем останавливаться на деталях. На том, что разъединяет Керенского и Сазонова. По существу, для наших политиков, вопрос стоит так: надо восстановить Россию. Когда Россия будет восстановлена- тогда, на новом всемирном конгрессе, при участии России будет решена и судьба Польши, наравне с судьбой Финляндии.

Существуют, правда, еще такие маленькие неприятности, как Латвия, Эстония, Грузия и прочие, и прочие, и прочие. Но это пустяки. Факты, пока что, не имеющие значения. Главное- восстановить Россию, остальное все приложится. Впредь же, до восстановления России, заниматься такими деталями, как польский вопрос, не следует.

И вот, больше трех лет наши белые восстанавливают Россию, не разрешая польского вопроса и совершенно игнорируя вопрос о так называемых государственных новообразованиях на территории бывшей Российской империи.

Результаты такой политики налицо.

И вот что странно. После Крымской катастрофы русская эмиграция решила пересмотреть тактику борьбы с большевиками, заговорила о новых методах борьбы с ними. Милюков открыто заявил, что надо признаться в старых ошибках, что надо всю борьбу строить заново и т.п.

Но открыто заявить, что надлежит пересмотреть польско-русский вопрос, до этого еще никто из наших политиков не додумался.

Вместе с тем, оставляя даже принципиальную позицию в стороне, надо же извлечь из недавнего прошлого хотя бы следующие наблюдения.

Во- первых, Польша, едва воскреснув из мертвых, уже вынуждена была с оружием в руках защищать свое бытие: бороться с большевистской саранчой планомерно и стойко, в государственном масштабе. Боролась она одна и только она. Этот факт наши мудрые политики никак не использовали. Вместо того, чтобы соединиться с Польшей против общего врага, они вели борьбу на два фронта.

В то время, как Колчак и Деникин неудачно боролись с большевиками, наши талантливые дипломаты закидывали Европу схоластическими брошюрами о правах России на Холмщину, на Бессарабию и т.п.

Это называлось реальной политикой. Деникин рухнул, рухнул Колчак, пал Врангель. Остались одни брошюры, которые стыдно теперь читать.

Во вторых, Польша,- единственный реальный авангард на Востоке Европы. Здесь, в сущности, ключ большевистского вопроса. Если Польша не выдержит,- большевистские волны захлестнут европейский мир. Голод, одичание, гражданская война овладеет Европой. Уже по одной этой причине всякий враг большевиков должен с особой бережностью относиться к Польше,

твердо помню, что всякая реальная помощь Польше есть страховка против большевиков.

Но наши русские политики настолько ослеплены своим мишурным величием, что ни за что не хотят этого видеть.

Когда-то Столыпин говорил «сначала успокоение - потом реформы». Применяясь к Польскому вопросу, русские политики говорят: «сначала восстановление России, потом разрешение польского вопроса».

Такая тактика глубоко ошибочна. Нельзя осложнять борьбы с советской властью вопросом национальным.

Расчленители и объединители (Статья Д. М. Оudinца)

Есть люди, в полной мере заслуживающие название русских патриотов и демократов. Они понимают, что нельзя вернуть старое, что новая Россия может быть только демократической страной; что пора кастовых привилегий миновала, что земля должна отойти к земледельцу; что воля народа есть тот главный фундамент, на котором будет строиться будущее. Но есть нечто, что этим демократически-настроенным патриотам так же чуждо, как было оно чуждо и царским слугам, и Петру Струве, и военным вождям, которые еще так недавно пытались завоевать Россию.

Для этих патриотов есть слово, которого они не переносят. Это слово «самостийность». Слыша его, они немедленно начинают заклинать: «Не расчленяйте Россию!» Когда русская организация открыто признает самостоятельность Украинской Республики, или независимость Кубани, они заявляют «этого не может быть», «русский патриот не может верить во все это Петлюровские самостийности».

Тем не менее, существует группа тоже русских патриотов и тоже демократов, которая думает иначе, и не только думает и говорит, но и действует. Эта группа искренно и открыто признает и Украинскую, и Белорусскую, и Кубанскую, и всякие иные «самостийности», и, признавая эти «самостийности», не маску на себя надевает, не по подложному паспорту живет, а исповедует свой действительный и подлинный символ веры во имя своей же родины и ее долгожданного возрождения.

Прошло то время, когда звуками труб можно было разрушать иерихонские стены, или же ударом жезла заставляли расступаться морские волны. Время заклинателей миновало безвозвратно. И сами они и их заклинания безнадежно запоздали.

Конечно, быть может, еще в недалеком прошлом, слово федерация явилось бы желанным лозунгом освобождения. Этого не случилось, не случилось в значительной степени по вине тех, которые и тогда запоздали, и тогда заклинали федералистов словом «автономия». Теперь самый лозунг «федерация» знаменует уже не свободу, а притеснение и притом не только для

убежденных и принципиальных самостийников, во что бы то ни стало, но и для всех тех, кто не отрицает в принципе возможность федерации, но желает оставить за собой право свободной, и независимо от заранее предпретенных форм, выразить свою волю, кто готов договариваться, но желает это делать только, как равный с равным и вольный с вольным.

Этапы истории не повторяются. Не повторится и упущенный момент. Его никакими заклинаниями, в каких бы высоких тонах они не делались, не вернуть. Привлечь ими на свою сторону никого нельзя, а оттолкнуть очень не трудно.

Помимо воли народа России не воссоздать. Большевики пытались народ одурманить. Этот дурман проходит. Военные вожди пытались Россию завоевать. Это не удалось. Теперь вся надежда, что в России произойдет то, чему Кронштадт был только предтечей. Нам, находящимся за границей, остается только обязанность, в меру наших скромных сил, помочь русскому народу в его героических попытках освободиться,- все имеющиеся в наших руках возможности предоставить народу для дела его освобождения. Понять это, и вместе с тем не доверять полному и свободному выявлению народной воли, вот что, действительно, знаменует собой или крайнюю непоследовательность, или же маску и подложный паспорт.

«Да свершится воля народная». В этих словах не только тактика, но и программа. Пусть украинцы, белорусы, кубанцы, эстонцы, литовцы, латыши-сами скажут, при том свободно, без принуждения, без навязанных им извне форм объединения или подчинения, как огни мыслят для себя свое отношение не к большевистской, конечно, России, - здесь возможна только форма отрицания,- а к России возрожденной и демократической. Признание «самостийности»- означает собой не отрицание федерации или конфедерации, а только утверждение того принципа, что не на почве принуждения, а на почве свободного народного волеизъявления может произойти, если ему действительно суждено произойти, подлинное и внушительное, не только для врагов, но и для «друзей» объединение.

Другого правильного пути нет. Другой путь- это принуждение. Но этот путь осужден и безнадежен. Он толкнет неминуемо вместе с тем будущую Россию на войну со всеми новыми государственными образованиями. Он всколыхнет всю Европу, не говоря уже об отдельных пограничных государствах, опасностью нового русского империализма. Другой- также ложный путь- это путь заклинания. Он теперь в большой моде в Париже. Его единственный результат тот, что он заставляет насторожиться и сторониться тех, кто мог бы идти вместе.

Нет ничего легче, как сказать, находясь в Париже или где-нибудь еще дальше, «я не признаю самостийности», «я не признаю рижского мира». Но сказать так - не значит пустить в ход то магическое средство, которое могло бы помочь возрождению России.

Нет, необходимо признать и все «самостийности», и Рижский мир, притом искренне и без всякой задней мысли. Окончательное же разрешение того, что кажется теперь временным, спорным и желательным некоторым из нас, может

быть сделано только той единственной инстанцией, которой такие вопросы вестать надлежит, а именно организованной народной волей.

Думать так, значит не только уразуметь в полной мере смысл происходящего теперь на территории бывшей Российской империи, но и идти вместе с событиями, а не наперекор им, подготавливая вместе с тем и желательное будущее.

К сожалению, не этому желательному будущему служат те, кто по каждому поводу готовы кричать: «Не расчленяйте Россию». Сами того, быть может, не желая, они вооружают против нее, изолируют ее и служат ее расчленению.

А те, кого они называют расчленителями, не расчленяют и не объединяют, а говорят только: «Да свершится воля народная». Тут не только вера в принцип, но и знание, что другого пути нет.

Еще о самоопределении народов (Статья Б. В. Савинкова)

Одним из результатов того всеевропейского потрясения, которое называется Великой Французской Революцией, было утверждение свободы личности. Каждый человек был признан свободным и из верноподданного стал гражданином. Он стал гражданином вне зависимости от происхождения, вероисповедания или принадлежности к тому или иному социальному классу. Свобода - достояние всех. В этом ее неперемнная сущность.

Одним из результатов всемирного потрясения, которое началось Великой войной и закончилось Великой Русской Революцией, будет утверждение свободы народов, их права на самоопределение. И точно так же, как отдельная личность, каждый народ свободен вне зависимости от происхождения, вероисповедания или размеров своей вооруженной силы, ибо, как сказано выше, свобода - достояние всех, или ее нет вовсе. Вот простая и не подлежащая спору истина. Но именно простейшие истины труднее всего проникают в сознание людей.

Нас, великороссов, около 100 миллионов, и мы можем мобилизовать громадную армию. Поэтому мы не великороссы, а русские. Украинцев всего 40 миллионов. Поэтому они не украинцы, а «хохлы». О других говорить нечего. Ясно, что нет финляндцев, а есть «чухонцы», что нет армян, а есть «армяшки» и т.д. так принято думать. Так принято говорить. Те, кто защищает «единую, неделимую» и те, кто высказался за «федерацию» в одном отношении согласны между собой: есть русские и есть «инородцы», причем русским, в силу их многочисленности, принадлежит неотъемлемое право «тащить и не пущать».

Как «тащить» и как не «пускать»- вопрос другой. Деникин будет «тащить» в сторону «единой, неделимой! И «не пускать» говорить на родном языке, твердо памятуя заветы Николая II-го. Авксентьев будет «тащить» в сторону «федерации» и «не пускать» жить по своей, а не великорусской, воле, в сущности тоже твердо памятуя те же заветы. Ни Деникин, ни Авксентьев чужой свободы не уважают, права на свободу за другими народами не признают. Не от того ли, что ни тот, ни другой не сумели отстоять свободы России?

Мне скажут: государственность. С точки зрения старорежимной, с точки зрения государственности, как географического понятия, я возразить ничего не могу. Да, государственность русская, заключенная в границы до 1914 года, исключает свободу народов. Да, каждый должен сделать отчетливый выбор: что для него дороже - «Привислинские губернии» или утверждение естественных прав человека, в том числе права на независимое бытие своего народа. Деникин и Авксентьев выбор свой сделали. Но не следует забывать, что выбор этот едва ли совпадает с желаниями эстонцев, латышей, литовцев, белорусов, украинцев, грузин, армян, донских, кубанских и других казаков. В этих условиях, что означает этот «демократический выбор? Он означает войну,- войну со всеми отделившимися от бывшей Российской Империи народами. Деникин вел эту войну. Он сражался с Грузией и с Украиной и вешал членов Кубанской Рады. Тысячи русских людей легли не в боях против коммунистов, а в боях против своих же братьев. Деникин войну проиграл. Едва ли Авксентьев сможет ее вести. Думаю даже, что и не пожелает. Думаю, что те, кто настаивает на «Федерации Российской», не имеют просто- напросто мужества довести до конца свою мысль, не имеют мужества признаться себе, что ни один из окраинных народов на федерацию не согласится и что, волей- неволей, придется либо признать независимость Эстонии, Латвии, Украины, Грузии и т. д., либо объявить им войну. Настолько ли обуреваем воинственным азартом «представитель всей демократии» Авксентьев, чтобы пойти по стопам «реакционера» Деникина?

Но кроме старорежимной, географической точки зрения на государственность, есть точка зрения демократическая, отвечающая интересам трудящихся масс. В Восточной Европе живут разные, однако, крепко связаны общностью политических и экономических интересов, народы: великороссы, украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, грузины и т. д. Народы эти могут и должны мирно сожительствовать между собой и даже объединиться в единый союз. Но союз этот - будущая Россия, будущее Русско-Украинско-Белорусское, будущее Славянское государство, будущие Соединенные Штаты Востока Европы - может быть построен лишь на признании права на самоопределение народов, т. е. на утверждении свободы. Но союз этот может осуществиться лишь на началах равноправного, вполне свободного договора. Кто явится объединяющим центром - Москва, Киев, Варшава - покажет будущее, ибо только в будущем Москва, Киев, Варшава смогут разработать свои естественные, бесчисленные богатства, развить свои производительные неистощимые силы укрепить свою неисчерпаемую культурную мощь. Я - великоросс. Я верю, что именно Москва, именно мы, великороссы, в великом

деле мирного строительства, в светлом подвиге воссоздания Востока Европы на началах свободы, сумеем и сможем сыграть первенствующую, объединяющую, животворящую роль. Эта вера моя - вера в русский народ. Ее не обязан разделять чужеземец. Я верю. Верил ли Деникин, верит ли Авксентьев, если оба они возлагают упования свои не на народ, не на крестьянство и казачество русские, а на штыки, пулеметы и пушки?

О казачестве (Статья Б. В. Савинкова)

Так называемое «самостийное» движение среди казачества принято рассматривать почти как государственное преступление. Так его рассматривали Колчак, Деникин и Врангель. Так его рассматривают Авксентьев, Керенский и Милюков.

Люди, которые торжественно заявили и заявляют, что они борются за свободу, когда речь идет не только о свободе нашей, великороссов, но и свободе всех остальных народов, входивших в состав бывшей Российской Империи, и в частности, и может быть в особенности, о свободе казачьей, не колеблясь ни на мгновение отрицают эту свободу и начинают вторить Николаю II-му: «С нами Бог! Покоряйтесь языци!»

Чем объяснить это вопиющее противоречие?

Я спрашиваю: почему москвич имеет право на управление своей родной страной, а донец или кубанец лишены этого права? Я спрашиваю: почему москвич, имея право на управление своею родною страной, посягает еще на управление Кубанью и Доном? И я спрашиваю: почему кубанец или донец обязаны умирать за Москву?

Мне скажут: нет донцов, нет кубанцев, нет терцев, есть только русские люди. Казаки - те же великороссы, но отселившиеся на окраины государства. Да, конечно, казаки такие же православные, говорящие на русском языке, русские люди, как и великороссы (не забудем, однако, что на Кубани есть не мало казаков - украинцев). Но ведь у казачества свой особый уклад, свои особые нравы, своя история, свои законы. Но ведь казачество не покушается на Москву и не отрекается от Москвы. Но ведь казачество желает одного,- чтобы мы, великороссы, не вмешивались в его, казачьи, дела и не насильствовали его, казачьей, воли. Я не сомневаюсь, что независимые Дон, Терек, Кубань надут приемлемый, достойный и их и Москвы, и выгодный для нас всех способ сожительства с свободной Великороссией. Но способ этот должен быть утвержден не принудительно, не вооруженной рукой, а добровольным и добросовестным соглашением. Только людям, не уважающим свободы чужой, а значит неспособным завоевать свободы своей, могут мерещиться в таком соглашении признаки измены России. Неужели мы, великороссы, не можем

даже и после величайшей из революций додуматься до чего-либо другого, кроме «Мымрецовского» «тащить и не пущать»?

Казачи были готовы грудью защитить родные станицы. На Дону, на Маныче, на Кубани легли тысячи и тысячи казаков в борьбе против коммунистической власти. Но Деникину слышался перезвон московских колоколов, и казаки пошли на Москву, и усеяли своими трупами путь до Орла, и вернулись в Новороссийск к «пароходным дымкам». Разумно ли поступил Деникин? Как знать, быть может кубанцы, терцы, донцы отстояли бы от коммунистов свои казачьи земли, если бы не поход на Москву. И быть может не было бы ныне горя казачьего, того тяжкого горя, которое ходит по белому свету, мыкаясь по Турции, Болгарии, Германии, Сербии, Польше в то время, когда заливаются слезами родные станицы.

Принуждением не выстроится Россия. Пулеметами воедино не соберется. Когда в Москве падет коммунистическая, враждебная народу власть, когда в Москве не будет ни Лениных, ни Романовых, ни жандармов, ни чрезвычайек, ни генерал-губернаторов, ни комиссаров, когда в Москве будет мир и свобода, - независимое казачество само протянет руку Москве. И, протянув руку, положит первый камень государственному строительству новой «третьей» народной, крестьянской и казачьей России. А пока хозяйничают большевики, одна заветная мысль воодушевляет казачество: домой, в родные станицы, и долой коммунистов! И преступны не казаки, а те ослепленные люди, которые, не разумея этой праведной казачьей тяги к земле, продолжают в своей гордыне строить Россию по ветхозаветному образцу - своей, барской волей, а не народной.

Об Украине (Статья Б. В. Савинкова)

Большинство русских относится к украинскому вопросу с особою подозрительностью. Даже те, которые допускают право самоопределения для Латвии, Эстонии, Грузии, отказывают в этом праве Украине. Мне пришлось слышать однажды: «Помилуйте, да ведь независимая Украина выстроит крепости на своей границе и будет защищать свой хлеб и свой сахар с оружием в руках». Эти неожиданные слова говорил военный. Другой раз я слышал следующие соображения: «Помилуйте, да зачем нам спешить с признанием независимости Украины? Ведь сами украинцы заявляют о своем желании находиться в составе России. Поговорите с Председателем Украинского Национального Союза, Маркотуном». Эти не менее неожиданные слова говорил дипломат.

Я не знаю, будут ли украинцы строить крепости на границах и представляет ли кого-либо г. Маркотун, проживающий уже не первый месяц в

Париже. Но я знаю, что одно из величайших завоеваний величайшей революции русской- утверждение права самоопределения народов. Не потечет река вспять и не возвратится то время, когда были хозяева и рабы. Кто горюет об этом Николаевском времени, тому с нами не по дороге.

Право самоопределения народов- право на независимость государств. И потому что на Украине есть в обилии сахар и хлеб, а в Париже «председательствует» г. Маркотун- украинский народ не лишается своего элементарного права- права на самоопределение, и Украинское Государство не лишается своего не менее элементарного права- права на независимость. Свободно избранное Украинское Учредительное Собрание выявит волю народа, и решит, кто отражает народные пожелания: Головной Атаман Петлюра, г. Маркотун, Габсбург-Вышиваный или гетман, милостью Гогенцолернов, Скоропадский. Но едва ли позволено усомниться, что Украинское Учредительное Собрание, отвергнув всех поддерживаемых Берлином «панов» и всех «председательствующих» в Париже, объявит Украину независимым государством- народной украинской рабоче-крестьянской Республикой. Так говорит здравый смысл, тот простой здравый смысл, который нередко чужд высокопросвещенным военным и искушенным в канцелярских хитростях дипломатам и который от рождения живет в каждом украинском мужике. Но будут ли исчерпаны объявлением независимости Украины ее взаимоотношения с Россией?

Когда падут коммунисты, Восток Европы не будет представлять собой единого государства с границами бывшей Империи Российской. Восток Европы уже «расчленился» на свои составные части это законно. Думать иначе, протестовать против этого «расчленения», не считаясь с ним, как с реальным, и, повторяю, законным фактом, могут только политические младенцы,- те сданные в архив люди, которые «протестуют» и против перехода земли в крестьянские руки и против отречения Николая II-го. Для них Республика Русская не реальный и неопровержимейший факт, а предмет бессильного гнева.

Для них уничтожение помещичьего землевладения не реальный и неопровержимейший факт, а предмет неистовой злобы. И для них право на независимость Латвии, Эстонии, Белоруссии, Украины, Казачьих земель и т.д. не реальный и неопровержимейший факт, а предмет «протестующего» негодования. И те «левые», которые присоединяют свой демократический голос к голосам бывших царских министров, когда речь идет о праве самоопределения народов, не понимают, что они заражены той же Николаевской психологией, которая составляет сокровенную сущность всех «Освагов» и «Русских Советов». На другой день после переворота не будет России в старых географических рамках, а будет Россия и независимые: Латвия, Эстония, Литва, Белоруссия, Украина, Казачьи земли, Грузия, Азербайджан и т.д. что касается меня, то я не усматриваю в этом «расчленении» народного бедствия. Я приветствую независимость каждого государства и вижу широкое поле для тяжкого и светлого, общими усилиями, строительства будущего.

Восток Европы устроится, конечно, на началах общности экономических и политических интересов. В частности, перед независимой Украиной, как и

перед заключенной в этнографические границы Россией - Великороссией, встанут сложнейшие государственные задачи. Не нам предугадывать, как и когда эти задачи будут разрешены. Но уже и теперь до очевидности ясно, что в жизненных интересах и Украины и России лежит добровольное между обоими славянскими народами соглашение. Какое? Уния, т.е. Украинско - Русское Государство? Союз, т. е. военный и экономический договор? Конфедерация, т.е. совместное политическое и экономическое преуспеяние России и независимых Украины, Белоруссии, казачьих земель? Или, наконец, Восток Европы в процессе медленного воссоздания своей разрушенной революцией хозяйственной мощи и своего уничтоженного международно-политического влияния свободно объединиться в Славянские Соединенные Штаты, по образу и подобию Великого Заатлантического Государства? Никому из нас: ни русским, ни украинцам, ни белорусам, ни казакам не дано ныне ответить на этот вопрос. Довлеет дневи злоба его. Нам дано, нам предстоит разрушить существующий, с позволения сказать, «государственный строй» и низвергнуть власть коммунистов. А воссоздавать будут дети наши. Они воссоздадут согласно воле народа. Пока же уразумеем простейшую истину: каждый народ свободен и каждый народ имеет право на свое особенное место под солнцем.

О Белоруссии (Статья Б. В. Савинкова)

В Белоруссии политические течения многочисленны и запутанны. Не белорусу разобраться в них трудно. Не белорусу трудно понять, почему яростно враждуют между собой представители белорусской интеллигенции. И эта политическая борьба, несомненно, не способствует отчетливой постановке белорусского вопроса.

Я сказал «белорусского вопроса». Для многих он существует. Для меня он не существует вовсе. Мне кажется, что белорусский вопрос есть только малая часть общего большого вопроса о народах, входивших в состав бывшей Российской Империи. Кто признает независимость Латвии, Эстонии, Грузии, Украины, тот должен неизбежно признать право на независимость и младшей ветви русского племени - народа белорусского. Третьего не дано. Или «гром победы раздавайся», и то либо иное, но непременно принудительное присоединение Латвии, Эстонии, Грузии, Украины и т.д. к России, или право самоопределения народов и признание независимости окраинных государств, а в том числе и Белоруссии.

Когда русские шовинисты возражают против независимости Украины, они ссылаются на мифические крепостные сооружения, имеющие быть возведенными воинствующими украинцами на рубеже Орловской губернии. Они ссылаются также на не менее мифического г. Маркотуна. Когда же они

возражают против независимости Белоруссии, то они в виде аргумента приводят якобы отсутствие у белорусов национального языка: «Белорусский язык не язык, а наречие. Исковеркав русский прекрасный, могучий и свободный язык, вы получите белорусскую мову. Народ же, не имеющий национального языка, не может иметь претензий на самостоятельное государственное бытие». Этот аргумент не выдерживает критики. Донцы, Кубанцы и Терцы говорят, в огромном своем большинстве, по-русски. Однако, вряд ли кто-либо может ныне серьезно спорить об их праве на независимость. Сибиряки - коренные великороссы. Однако, Сибирь требует независимой от Москвы государственной жизни. Ясно, что и белорусы, языка которых, кстати сказать, не понимает москвич, имеют не менее прав на самоопределение, чем казачество или сибиряки.

Пора отучиться думать, что мы, великороссы,- соль земли и призваны по своему образцу устроить весь земной шар. Пора понять, что на другой день после свержения коммунистической власти, то, что называлось Российской Империей, окажется «расчлененным» на свои составные части. Пора посмотреть в глаза реальному факту: перед нами, великороссами, встанет задача: либо покорить силой оружия все непокорные нам народы, либо совместно с ними, в том числе с белорусами, общими усилиями и на равных правах, приступить к воссозданию и устройению Восточной Европы.

Белорусский народ не хуже нас понимает, что насущнейшие экономические и политические интересы связывают его с Москвой. Но белорусский народ желает сам распоряжаться судьбами своего государства, желает сам, добровольно, без чьего бы то ни было понуждения, заключить с нами союз, либо отвергнуть его; признать свою связь с Россией, либо отвергнуть ее. Это желание законно. Более того, это желание не противоречит ни идее Государственности Российской, ни правам народа великорусского. Российская Государственность не предполагает непременно формы единой и неделимой России, как не предполагает непременно формы и федерации. Российская Государственность может быть мыслима и как союз отделившихся от России независимых ныне народов, свободно объединенных в Восточно-Европейские Соединенные Штаты. Что же касается прав народа великорусского, то в права эти не входит угнетение соседей. Об этом, мне кажется, не приходится спорить. Оставим память об угнетении Николаю II и коммунистам, и будем думать не о насилии, а о справедливости и свободе.

Если в Москве усилиями великороссов установится прочный демократический, истинно народный, не посягающий ни на чьи права, государственный строй, то не может подлежать никакому сомнению, что независимые окраинные государства, и в том числе и Белоруссия, в своих собственных интересах, войдут в добровольное соглашение с Москвой. Если же мы вернемся к самодержавию Николая II-го или создадим у себя просвещенный абсолютизм по рецепту «Освага» или, наконец, не свергнем, а в результате борьбы укрепим азиатскую власть коммунистов, то независимые окраинные государства, и в том числе Белоруссия, естественно будут отстаивать с оружием

в руках свое самостоятельное государственное бытие и на соглашения с Москвой не пойдут.

Будущее, в огромной степени, зависит от нас самих. Если мы, и не только старорежимные генералы, но и кадеты, и социалисты- революционеры, и социал- демократы, найдем в себе достаточную ясность государственного ума, достаточную любовь к свободе и достаточную чистоту демократических побуждений, чтобы отказаться от пыльного наследия веков и не посягать ни на чью народную волю,- Восток Европы воссоздастся и устроится вероятно вокруг Москвы. Если же мы пойдем по проторенной дорожке генерал- губернаторов, комиссаров и шовинистических резонеров, мы будем замкнуты в очерченный круг времен Иоанна Калиты, и возрождение Востока Европы протечет при нашем второстепенном участии. Будем справедливы: мы, великороссы, сделали в прошлом немало ошибок, мы продолжаем делать их и поныне. Эстонцу, латышу, белорусу, украинцу и т. д. не за что нас любить. Комиссары и генерал- губернаторы оставили кровавый и слезный след в каждом из этих некогда подневольных нам государств. Скажем раз навсегда: довольно слез и довольно крови. Да здравствует свобода каждого человека и право самоопределения народов. И, сказав так, найдем в себе силу и честность остаться верными своему великорусскому слову.

О национальных задачах (Статья А. Омелянова)

Каждый раз, когда русская эмиграция производит свою очередную демонстрацию «непризнания окраинных новообразований», эта демонстрация отзывается во вновь образованных на территории бывшей Российской Империи государствах резким приливом недоверия к будущей русской государственности.

Именно такой отклик в латвийской и эстонской печати нашли постановления и речи торгово- промышленного съезда по национальному вопросу. «Балтийским государствам необходимо понять, пишет эстонская газета «Кая», что не только нынешние русские правители, но и будущие будут относиться к нам враждебно». Таково настроение, складывающиеся в прибалтийских государствах под влиянием нашего воинствующего централизма.

В такой атмосфере создаются настроения и стремления среди прибалтийских государств заранее гарантировать себя от возможной опасности в будущем путем заключения военно- оборонительного союза между собой. В настоящий момент, когда перед всеми становится вопрос: как быть на следующий день после падения большевизма, вопрос о балтийском союзе для государственных деятелей молодых государств приобретает особую остроту, и

можно понять стремление государственных деятелей прибалтийских республик сдвинуть его с мертвой точки.

Надо сознаться, что в прошлом перед лицом большевистского империализма молодые государства никак не могли найти общего языка, и каждое действовало за свой страх и риск.

Балтийские государства все же сохранили свою самостоятельность ценой мирных договоров с большевиками, последствия которых все время сказываются в питаемых извне внутренних болезнях.

Тяжелее сложилась судьба кавказских республик. Замкнутость этих молодых новообразований в их узконациональных интересах, накопление взаимных недоразумений и конфликтов, взаимная вражда между собою в то время, когда совершенно явно было, что этой враждой пользуется и в значительной мере ее питает извне «третий радующийся»- все это имело для них роковые последствия. Кавказские республики были «советизированы» порознь и теперь разделяют участь России.

Если для прибалтийских республик, сохранивших и укрепивших свою самостоятельность, вопрос о военно – оборонительном союзе является до известной меры вопросом сегодняшнего дня, то несколько иначе стоит этот вопрос для государств, потерявших свою самостоятельность.

Задачи этих государств труднее и сложнее – им необходимо бороться за освобождение своих территорий от большевиков и за восстановление своей самостоятельной государственности. Нам думается, что эта настойчивая задача сегодняшнего дня и должна ставить конкретные цели международной политики правительств этих государств, в частности, определить собой и ближайшую цель взаимных соглашений. Эта ближайшая задача отнюдь, казалось бы, не должна быть смешиваема с другой задачей – военно-оборонительным союзом от русского империализма. Эти задачи настолько разные, что могут поставить отдельные новообразования, в противоположные отношения в зависимости от решения ближайшей конкретной задачи – отношения к большевикам. Ведь трудно, например, говорить о союзе хотя бы Украины с Латвией, если бы последняя в своей политике к России стала решительно на точку зрения: большевики ослабляют Россию, а нам сильная Россия опасна, следовательно, да здравствует большевизм в России. На эту губительную, с нашей точки зрения, позицию изолированного национализма могут стать государства, считающие себя вне опасности от большевистского нашествия, и тогда им не по пути с теми, кто уже разделяет тяжелую участь России и с теми, кто понимает, что эта опасность им еще грозит. Это не мешает, однако, одной и другой группе искать гарантий от будущего русского империализма в общем военно-оборонительном союзе.

Казалось бы, все усилия молодых государств, потерявших свою независимость, должны быть направлены к исканию надежных путей освобождения от большевистского ига. От представителей правительства, от эмигрантской интеллигенции народ, стонущий под ярмом насильников, ждет деятельной работы именно в этом направлении. Но политическая мысль в страхе перед «Единой неделимой», питаемом нашей эмигрантской

общественностью, невольно перемещает более отдаленную задачу борьбы с опасаемым империализмом на место задачи сегодняшнего дня - борьбы с большевизмом, и при этом теряет правильную перспективу.

Разве не странно читать, что представители Грузии во время свидания в Варшаве с представителями других государственных новообразований выставляли одну из насущных задач: «немедленное основание вокруг «Московщины» тесного союза новообразовавшихся государств, начиная от прибалтийских республик и кончая союзом кавказских республик...» очевидно для борьбы с «московским империализмом» (см. «Украинская Трибуна» № 38). Думается нам, у представителей Грузии могли бы найтись более насущные задачи в настоящий момент. Одной из таких задач является как будто бы координация сил всех естественных союзников в борьбе с большевиками – народов, потерявших свою самостоятельность. Это требование сегодняшнего дня должно бы определить и отношение к русскому вопросу.

Однако и в этом вопросе мы встречаемся с той же «запуганностью», которая не свидетельствует о политической дальнорукости.

В упомянутом уже совещании с г.г. Чхеидзе и Рамишвилли между прочим был поставлен вопрос о возможности и целесообразности федерации государственных новообразований с Россией после ликвидации большевизма. Г.г. Чхеидзе и Рамишвилли на этот вопрос ответили (цитирую в изложении «Украинской Трибуны»), что «Грузия считает абсолютно недопустимым восстановление единой России, да, это совершенно излишне, и со стороны экономических интересов было бы только во вред, а не на пользу новым государствам. Разрушенная и опустошенная «Московщина» (так почему-то упорно украинская газета называет Россию) еще больше эксплуатировала бы «окраины», чем раньше, а со своей стороны ничего бы им дать не могла, кроме разве русификации».

Вопрос о желательности и целесообразности федерации чрезвычайно интересен и важен, но о какой федерации можно говорить, не выяснив предварительно вопроса об отношении к борьбе с большевизмом и оценки русских сил, борющихся за освобождение России. Для Грузии и для Украины более животрепещущим должен был бы быть вопрос о желательности и целесообразности координации сил украинской и грузинской демократий с демократией русской для совместной борьбы с большевиками.

При такой постановке вопроса политическим деятелям Грузии и Украины, вероятно, пришлось бы конкретно учесть - не целесообразнее ли обезопасить себя от будущего русского империализма, если не поддержкой, то, по крайней мере, соглашением с теми русскими демократическими группами, которые стремятся к созданию в России власти крестьянской, чуждой захватной политики? Может быть тогда страшное пугало – русский империализм – можно было бы изжить творческим процессом, а не дорого стоящими молодому государству военными мерами.

Столь же серьезные сомнения вызывает отношение новообразований к вопросу о возможности федерации с Россией. Ни один государственный деятель не может выставлять заранее положения, что федерация совершенно исключена

с тем или иным государством, точно так же, как и учесть раз навсегда выгоду для себя тех или иных союзов. Все зависит от международной конъюнктуры в тот или иной момент. Неужели федерация с Россией сама по себе независимо от всех сопутствующих условий является чем-то настолько одиозным, что о ней нельзя и речи поднять, не будучи заподозренным в империализме.

В статье М. Кушнир-Якименко «Национальная держава» («Украинская Трибуна» № 39) высказана здравая мысль, что в современных условиях мирового хозяйства необходимо найти компромисс между стремлением расширения государств за национальные рамки в силу причин экономических и борьбой народов за создание замкнутых в себе национальных государств. Один из таких компромиссов указан в статье в виде создания военных, политических и экономических союзов небольших государств между собою. Федерация сама по себе, при достаточных взаимных гарантиях, является таким же исканием примирения двух противоположных тенденций современного строя. Только путем таких компромиссов можно будет избежать постоянных военных столкновений, разоряющих государства.

Вопрос о федерации таким образом вовсе не должен был бы вызывать к себе столь страстного отношения, как и всякий, впрочем, вопрос реальной международной политики.

Для сторонников федерации, как и для противников ее, в настоящий момент имеется одна общая задача – установление такого строя в своих странах, при котором народ сам мог бы решить вопрос о той или иной форме отношения к своим соседям. Основной предпосылкой этому служит утверждение фактической самостоятельности всех государственных новообразований, установление в них порядка и правового строя, при котором могли бы собраться местные учредительные собрания. Водворение в самой России такого строя, при котором этим государствам не пришлось бы жить в постоянном напряжении и боязни за свое существование, является поэтому чрезвычайно важным для всех новообразований. Путь к этому один – соглашение демократий, как русской, так и народов, борющихся за свое государственное бытие. В борьбе за свою и чужую свободу каждый народ обретет свободу себе и мир со своими соседями. Вопросы же формы взаимоотношений должны быть решены согласно волеизъявлению каждого народа в отдельности, в условиях полной самостоятельности.